

А на завтра была война

Александр Берков,

кандидат юридических наук,
председатель комиссии по проблемам
национальных отношений Российской
ассоциации содействия ООН

Автобиография на фоне исторических событий

*Мы пред комбатом своим
как перед господом богом чисты*

С.Гудзенко

Отнюдь не из тщеславия, а для объяснения, почему выхожу за традиционные рамки рецензии и позволяю себе дополнения, признаюсь: если бы не дружба с Георгием Арбатовым, считал бы свою жизнь не состоявшейся. Слишком многое нас связывает, и уже не в первом поколении. Дружили наши родители, дружат и дети – между собой и с нами.

Наши жизненные пути постоянно пересекались: школа, война (хотя и на разных фронтах, но в одно время и даже в одной должности начальников разведки полка гвардейских минометов и стрелкового полка). Почти одновременно были списаны по инвалидности и уволены из армии, МГИМО, журналистика, ЦК КПСС, совместные командировки. Случалось, что готовили материалы для одних и тех же членов руководства. Академик Арбатов давал теоретические и политические разработки для определения стратегического курса страны. И многого добивался. Разделяя его взгляды, я не обладал данными для такого воздействия и понимал, что моя роль скромнее. *Jedem das Seine.*

Книга напоминает заключительную главу “Истории государства Российского” Карамзина, написанную для его царственных питомцев. Здесь также суммируются размышления о нашем настоящем и будущем, о прошлом, пришедшемся на самый трагический период в истории России.

Его детство сложилось так, что в школу он пришел, имея за плечами собственный опыт интернационального воспитания, полученный в Герма-

нии, где работал отец. Детство оказалось политизированным до предела. 1930–1935 гг. – период великой депрессии, приход к власти Гитлера, становление фашизма.

Автор отмечает два принципиальных момента, которые помогли ему в дальнейшем.

«Я на всю жизнь, – пишет он, – получил иммунитет от двух крайностей. Первая – сугубо негативные представления о капитализме, о западном обществе, вклю-

чая “обнищание” пролетариата, якобы “имманентно присущее” этому обществу, презрение к гуманным идеалам и духовности и т.д. И вторая – идиллическое представление об этом обществе как о царстве всеобщего благосостояния, свободы и справедливости, к тому же – гуманном и миролюбивом, как белый голубок”*

Он усвоил, что фашизм – в какие бы одежды ни рядился, какими бы лозунгами ни прикрывался и какую бы символику ни использовал – это самое отвратительное и страшное, что может породить современная политика и общественная жизнь. И приходит он не сразу, не вдруг, а постепенно, тихой сапой: сначала как идея защиты угнетенных и обездоленных наций от богатых и алчных инородцев, как театрализованный и изрядно клоунский ритуал, потом как все более массовое и агрессивное политическое движение превращающееся, наконец, в мощную разрушительную лавину.

На фоне политического разброда, бедности, мздоимства и моральной опустошенности фанатики и шовинисты-демагоги поначалу для многих выглядят привлекательно. Но, придя к власти, они неизбежно приводят народ к еще худшей альтернативе: террору внутри и войне вовне.

По возвращении в Москву семья жила в доме Наркоминдела и Наркомвнешторга на Каляевской ул., 5, подобному знаменитому “Дому на набережной”. Каждый раз утром у двух-трех подъездов стояли припозднившиеся

МГБэшные машины с дежурившим рядом охранником. А по приходу в школу постыдная драма продолжалась. Собирались пионерский отряд и несчастных мальчиков и девочек, у которых ночью арестовали родителей, вынуждали отречься от них как от “врагов народа”.

В школе были свои “осведомители” и двоих учеников арестовали: мальчика-инвалида, ходившего на костылях, Отара Гасилаву и его друга, сына известной деятельницы искусства Наталии Сац.

Он боялся за отца, и для этого были веские основания.

Аркадий Михайлович Арбатов – один из самых замечательных людей, которых я встречал. Выходец из семьи колонистов-евреев он был рабочим-металлистом на одном из заводов в Одессе, но по доносу был осужден по ст. 58-й. Случилось так, что как раз накануне я спросил его как участника Гражданской войны и большевика: “Что же происходит вокруг?” К кому еще было обратиться?

Я навсегда запомнил его ответ: “Я знаю, что за мной ничего нет, и поэтому сплю спокойно”. Что он мог еще сказать? Но спать спокойно ему не пришлось. Именно в эту ночь за ним пришли. По тем временам еще повезло – просидел “всего” год.

Трибунал его осудил на 8 лет за “контрреволюционный саботаж”, но председатель трибунала тут же буркнул: “подавайте на апелляцию”. И на следующий день он сам отменил свой

* Цитаты даны по книге: Георгий Арбатов. “Детство. Отрочество. Война. Автобиография на фоне исторических событий”. М.: Собрание. 2007. – 151 с.

прежний приговор, передал дело на новое расследование новому следователю и на очередном слушании оправдал отца за отсутствием состава преступления.

Наша 182 школа отражала общее состояние дел в стране: наряду с политическим цинизмом, чем особенно отличалась преподаватель общественедения, были и такие как директор Татьяна Дмитриевна Крижанская, старавшаяся насколько могла прикрыть от новых ударов детей политзаключенных.

Она жила в маленькой квартире в здании школы и всю себя посвящала ученикам. Тогда не было заместителя директора по безопасности – сама опасность исходила от органов госбезопасности. Сколько же мужества требовалось этой маленькой женщине! Уверен, что автору будет приятно лишний раз вспомнить о ней и тех наших товарищах – детях репрессированных, которым она помогла стать на ноги и занять достойное место в жизни, несмотря на все моральные и материальные трудности.

О ней всегда вспоминают, собираясь у мраморной плиты, на которой высечены имена наших соучеников, павших на войне.

С каждым годом приходит все меньше друзей. 9 мая и Георгий не смог. Была одна Нэла Львова – от всех нас принесла 40 красных гвоздик. Умница, она еще ходит без палочки.

Гуманную традицию, заложенную Т.Д.Крижанской, продолжает нынешний зам.директора; преемственность доходит до того, что ее тоже зовут Татьяна Дмитриевна. По ее инициативе создается музей, где Георгию Арбатову отведен большой стенд.

Начинали мы учебу в знаменитой 25-й образцовой, где остались в основном такие ученики, как Светлана Сталина, Василий Сталин, сын наркома просвещения Бубнова и другие номен-

клатурные дети. В отличие от 182-й, где было много детей, репрессированных за “грехи” родителей, в 25-й были проведены аресты среди самих учащихся – там выявили группу “врагов народа” из числа учащихся старших классов.

А 182-й повезло. Ее строил видный инженер – поляк Войтыга. Повезло в том смысле, что дали достроить и только после этого арестовали. До сих пор в памяти его яркое патриотическое выступление при открытии.

Георгий как мог поддерживал его дочерей, как и других наших “девчонок” – детей репрессированных.

Многие из них прошли свою Голгофу и нашли себя в самой гуманной профессии – медицине.

В их числе неугомонная Майя Раскина (ныне Синдоровская), которая носилась по школьным коридорам, сметая все на своем пути. Мы с Георгием систематически “воспитывали” ее на заседании комитета ВЛКСМ. Кто бы тогда поверил, что она полвека проработает в Институте им. Склифосовского, 37 лет в должности зав. физиотерапевтическим отделением?

Прошло много лет.

После расправы с правительством Альенде мне было поручено вместе со шведским адвокатом Франком продумать вопрос о возможном составе Международной комиссии по расследованию преступлений чилийской военной хунты. Как раз в это время в Москву приехал бывший польский премьер, председатель Всепольского комитета защиты мира Юзеф Циранкевич. Бывший заключенный одного из фашистских концлагерей, он был знаком с этой проблемой отнюдь “не понаслышке”, к тому же поддерживал тесные контакты со многими зарубежными адвокатами.

Узнав об этом, Георгий Арбатов попросил меня поинтересоваться, как сложилась жизнь дочерей инженера

Войтыги – младшая из них Вися, как мы знали, работала с Циранкевичем.

Когда деловая часть была завершена, я решил зафиксировать это “посошком” и перейти к просьбе Георгия.

Однако, сначала должен был выслушать лекцию Циранкевича: “Вы, русские, были пешими странниками и пили последнюю рюмку, когда брались за посох. Мы, поляки, предпочитали передвигаться на конях и пили “стремленную”, когда ставили ногу в стремя.

А я предпочитаю последнюю рюмку “сцепленную” – когда ставлю ногу на сцепление. “Как к этому относится полиция?” “Недавно один из них сказал мне, что отобрал бы права, если б я не был так похож на Циранкевича».

После этого я мог с чистой совестью сказать: “Пан Юзеф, мой друг академик Арбатов – Вы с ним знакомы – просил меня поинтересоваться, как сложилась жизнь у Виси Войтыги, которая работала с Вами”.

В ответ он долго не мог подавить смех и, наконец, сказал: “Вот ты ее и спроси – она нам переводит”.

В оправдание – себе и ей – могу лишь добавить, что мы не виделись с июня 1941 г.

В дальнейшем она не раз бывала у Георгия и у нашего соученика Романа Гузикова, мать которого возглавляла родительский совет класса, да и сама была близко знакома с положением репрессированных – ее родная сестра была замужем за сыном Сталина Яковом. По моей просьбе Вися принимала участие в мероприятиях Всемирного совета мира в качестве редактора популярного польского еженедельника.

Самым близким (в том числе и территориально – жил в том же доме) другом Георгия был Александр Фрадкин – родственник крупнейшего довоенного журналиста Михаила Кольцова, репрессированного после возвращения с гражданской войны в Испании, и его родного брата Бориса Ефимова – автора самой популярной в те годы карика-

туры “Ежовые рукавицы”, посвященной наркомому НКВД Ежову (время было трудное и противоречивое). В доме Бориса Ефимова мы собирались после занятий почти каждый день. Это самый великий из известных мне острословов, каковым остается после отмеченного 18 сентября 107-го дня рождения.

Замечательным человеком была и мать Георгия – Анна Васильевна.

Мать, пишет он, имела сильный, твердый, иногда суровый характер (отец, наоборот, был человеком мягким). Во времена, когда под напором обрушившихся на него проблем отец падал духом, терялся, мать поддерживала его, возвращала ему веру в себя, мужество. Иногда он оказывался без работы, – все по тем же причинам: как бывший репрессированный и как еврей – и это его абсолютно деморализовало. И тогда она бралась за любую работу, чтобы содержать семью, не теряла бодрости и силы духа, что благотворно действовало и на отца.

Не утратила силы духа и встретив тяжело больного сына. Он приводит их короткий, полный трагизма диалог. “Юра! Ты надолго?” “Не знаю, я болен”. “Туберкулез?” “Да”. “Какое счастье!”.

Так же встретила она и меня с рукой на перевязи. Но разница огромная. От ранения конечностей не умирают. А Георгий по состоянию медицины тех лет был обречен. Позже я узнал, что из всех, кто был с ним в офицерской палате, выжил он один. И сказать при этом: “Какое счастье!”.

Светлой памяти наших родителей, которых мы ни оплакать, ни отблагодарить уже не можем! Насколько ж тяжелее им было, чем нам!..

В его выздоровлении не последнюю роль тоже сыграла школа.

Зав. отделением оказалась мать нашего одноклассника Михаила Бонгарда. Узнав об этом, она принялась за

лечение так, словно лечила собственного сына (увы, он не вернулся с фронта). Сама наложила пневмоторакс, и, как пишет Георгий, потянулись долгие и нудные госпитальные месяцы.

“Из радостных событий вспоминается, как однажды ко мне в палату врывается мужик с рукой на перевязи и бросается обнимать. Смотю – Саша Берков, мой друг и одноклассник. Он тогда тоже вернулся с фронта по ранению и направился в госпиталь. Узнал, что я в Москве и приехал повидаться.

Дружба с Берковым и взаимная поддержка в горе и радости неизменно сопутствовали нам всю жизнь. Мы были в числе немногих ребят из нашего класса, кому посчастливилось вернуться домой”.

Как сказал мне нотариус при оформлении завещания (намеренно называю его имя: Цветков Андрей Сергеевич, – чтобы Москва знала, что наряду с циничными бюрократами и в этой отрасли права попадают и порядочные люди): “Призывников 41-го года осталось наперечет. Вы – штучный товар. Я не могу взять с вас гонорар”.

И не взял...

Но все это было позже. А тогда мы радовались окончанию школы и вместе со всеми выпускниками шли на Красную площадь. Потом снова собирались в школе, и пили напитки, не только безалкогольные, почти всю ночь и договорились о встрече назавтра.

А наутро была война.

Наш общий знакомый из числа бывших послов любит рассказывать о своих ратных подвигах так много и подробно, что вспоминается детский анекдот: “Дедушка, если все это сделал ты, что же делали остальные?”

У нас с Георгием как-то не было разговоров на эту тему.

Многое я впервые узнал из его книги, в том числе о ранении ноги, о голоде весны 1942 г., когда дороги развезло и почти прекратился подвоз продо-

вольствия. Да и о его участии в параде 1941 г. узнал недавно, когда его показали по ТВ: училище открывало парад, и многие части прямо с Васильевского спуска отправлялись на передовую.

Этот парад не следует путать с парадом Победы. Его участники – заслуженные ветераны, из них тоже почти не осталось долгожителей, многое им пришлось пережить и физически, и морально. Но это – другое.

И сегодня радостно смотреть кадры кинохроники, как знамена побежденно-го врага бросают к трибуне мавзолея.

Георгий мне красочно рассказывал, как стягивались колонны, проходя по ул. Горького, так как я этого видеть не мог, находясь на излечении. Он наблюдал это из окна моего дома у Белорусского вокзала.

Прекрасна песня на слова Окуджавы: “Нужна победа – одна на всех”.

Победа-то одна, а война у каждого “своя”.

“Хочу сразу же откровенно сказать, – пишет Георгий, – что мне с “моей войной” очень повезло.

Во-первых, потому, что риск, а также физические лишения были в ракетной артиллерии все же меньшими, чем в танковых войсках, в противотанковой или полковой артиллерии, не говоря уж о пехоте.

Правда, у себя в полку я ходил в весьма смелых и рискованных: большую часть фронтовой жизни провел в артиллерийской разведке, а это значит – на передовой, часто в боевых порядках пехоты; при наступлении приходилось порой оказываться и впереди нее, пока не наткнешься на оставленную немцами засаду. Но так или иначе, в ракетной артиллерии было менее опасно, чаще выживали, хотя и у нас многие погибли или были ранены.

Во-вторых, по-настоящему воевать мне довелось не в 1941 г., когда шло в основном беспорядочное отступление, всегда сопровождающееся колоссальными потерями за счет убитых, пропавших без вести или попавших в плен.

Мне пришлось воевать в основном уже тогда, когда ситуация была взята под контроль, и мы уже умели более или менее упорядоченно как отступать, так и наступать, причем пришло уже время преимущественно наступать, что не всегда безопасней, но всегда радостней”.

Не соглашусь. “Моя война”, конечно, имела свои отличия. Но мы редко спали на лапнике на снегу, не знали голода. После того, как Сталин сказал “Разведка – глаза и уши армии”, мы сразу же стали получать повышенную норму, вплоть до сухофруктов и неизвестно откуда взявшиеся японские рыбные консервы.

А что касается радости наступления, то это зависело во многом от командования, которое в моем случае ухитрилось “упустить” противника из Демянского котла, приковывавшего к себе и тем самым парализовавшего советские войска, включая и нашу 1-ю Ударную армию.

Как писалось и тогда, и впоследствии, мы наступали на пятки немецким войскам. А командовавший ими генерал-полковник сразу после этого стал генерал-фельдмаршалом. И заслуженно: с отдаленными пятками он сумел вывести крупные силы войск и военной техники через 8-километровую горловину.

Георгий сполна выполнил свой ратный долг. Калининский фронт, Степной и Воронежский, 1-й и 2-й Украинские. Дважды форсировал Днепр: первый раз южнее Канева, второй – у Черкасс (в 1985 г. ему было присвоено звание Почетного гражданина этого города).

Интересный эпизод. 17 мая 1990 г. – накануне его дня рождения – позвонил маршал Язов, тогдашний министр обороны. “У меня для вас подарок. Передо мной книга, в которую Центральный архив нашего министерства собрал документы или их ксерокопии, относящиеся к вашей боевой, военной биографии и истории вашего полка”.

Вот одна из ксерокопий, подписанная командиром полка, от 10 сентября 1943 г.

“Энергичный, смелый и бесстрашный разведчик. За период пребывания в этой должности дал много ценных данных о противнике, по которым полк вел огонь.

4 сентября, находясь на передовом наблюдательном пункте, установил основные районы скопления противника в деревнях Гусань и Пилипенки, по которым полк произвел два залпа. После залпов наши части успешно продвинулись вперед и заняли эти пункты.

5 сентября Арбатов под сильным огнем противника, на открытой местности, презирая смерть, пренебрег опасностью, точно установил передний край обороны, после чего был дан залп. Наши части после залпа овладели высотой и продолжали продвигаться вперед”. Георгий добавляет: “Конечно, кое-что в этих характеристиках может быть и преувеличено, написано с пафосом своеобразного стиля того времени, но воевал я честно и, видимо, неплохо”.

Он все делал и делает честно и хорошо.

“На протяжении всей жизни я никого не предал, ни на кого не донес, ни в одной проработочной кампании, травле людей не участвовал. Быть нормальным, порядочным человеком – это, конечно, не такая уж большая заслуга. Но все же, не такая уж малая, во всяком случае, по меркам тех времен”.

Это справедливо. Но почему повествование ведется в пассивном ключе?

Не только не предал, но и помог многим восстановить доброе имя, вывел на активную жизненную стезю (речь не только о науке).

Еще в юношеские годы помог нашему студенту Игорю Боровикову закончить институт. Это был одаренный человек, но из-за болезни тройничного нерва, полученной в блокадном Ленинграде, не мог сосредоточиться на дипломной работе. Георгий настаивал, чтобы он переехал жить к нему на все время завершения диплома.

Он и мне пришел на помощь в трудную минуту.

Как член парткома, ответственный за научный сектор, я был включен в работу по подготовке межинститутской студенческой научной конференции. На состоявшемся в это время партийном собрании, естественно, участвовать не мог, за что и был подвергнут суровой критике. Все было нормально по логике тех дней: однокашники выбивали потенциальных претендентов в аспирантуру. Из всех присутствовавших один Георгий выразил протест. Он понимал, что это не поможет, что рискует и своей аспирантурой (как оно и получилось), но не мог поступить иначе.

В брошюре о конференции правая секция обозначена так: председатель Начальник главного управления юридических вузов Г.И.Федькин, секретарь – автор этих строк. Основные докладчики студент МГИМО Г.А.Арбатов и адъюнкт Военно-юридической академии В.Н.Кудрявцев (впоследствии вице-президент РАН).

Недавно я предложил ему “для семейного музея” эту брошюру, сказав, что моя мама сохранила два экземпляра. Он ответил: “Моя тоже”.

В дальнейшем председатель секции активно занимался не только правовыми проблемами, но и демографическими. Мечтой его жизни был сын, а рождались дочери с завидной регулярностью. Когда, наконец, родился мальчик, в честь целеустремленного отца его тоже назвали Гавриилом, но сам отец надорвался и вскоре умер. Хороший был человек, помогал нам с Арбатовым и Бовиным противодействовать декану юрфака МГИМО Радькову, выступавшего против презумпции невиновности.

Книга Георгия Арбатова необычна не только по содержанию, но и по архитектонике.

К автобиографии прилагается вторая часть “Навеянное воспоминаниями”, включающая разделы “Холодная война”, “Общественная наука и тоталитаризм”, “Наука от Хрущева до Ельцина: взлеты и падения” и “Социал-демократическая альтернатива для России”.

Каждый из разделов заслуживает специального рассмотрения – настолько существенно они (в основном и главным) для переживаемого момента.

Для нас они интересны тем, что, как и воспоминания о войне, написаны не в академическом ключе, чего вправе ждать от академика, а как бы изнутри событий, участником которых он был – притом активным. В ряде случаев их творцом или проводником. В других – наблюдателем с предельно близкого расстояния. Они касаются как текущих и среднесрочных проблем, так и отдаленной перспективы, выбора пути.

Была ли неизбежна “холодная” война?

По мнению автора, она не была объективно неизбежной, во всяком случае, в тех формах, которые она приняла. Но для нее были серьезные предпосылки:

Во-первых, они были связаны с природой сталинской тоталитарной системы, нуждавшейся для своего воспроизводства во враждебном окружении и стремившейся к внешней экспансии в качестве доказательства своих преимуществ.

Во-вторых, создание и применение ядерного оружия в последние месяцы Второй мировой войны придали США и Западу уверенность в его способности говорить с новым мировым “центром” силы – победоносной сталинской державой – языком трумэнновской военной угрозы, а не терпеливой рузвельтовской дипломатии.

Наконец, над обеими сторонами на протяжении десятилетий довлел синдром Второй мировой войны, которая для СССР началась с внезапного нападения 22 июня 1941 г., а для США – с ошеломляющего удара в Перл-Харборе.

Политику обеих сторон, пишет автор, как заклинило на взаимных страхах и подозрениях. Они во многом были искренни, что делало их еще опаснее.

“Холодная война” создала для своего обслуживания большую инфраструктуру, поставив себе на службу дипломатию, все силовые ведомства, значительную часть науки и средств массовой информации.

Официальное движение сторонников мира первым основал СССР, но оно быстро вылилось в чисто официальную идеологическую кампанию. К тому же многие деятели этого движения отличались низкой квалификацией, даже невежеством в сложных вопросах международных отношений, военной политики, а тем более ограничения гонки вооружений и разоружения.

В этих условиях Арбатову и поручили создание Института США, который бы не ограничивался публикацией академических книг и статей, а доводил результаты этих исследований до практических выводов и рекомендаций, прежде всего в сфере советско-американских отношений. Междисциплинарные основы, кроме академических дисциплин (исторических, экономических, социологических и т.д.), включали также специальности по военным и разоруженческим проблемам.

Возникло много антимилитаристских форумов и организаций.

Среди них: “Комиссия Пальме”; Организация врачей во главе с докторами Чазовым и Лауном, получившая вскоре Нобелевскую премию мира; движение за “замораживание” ядерного оружия в США.

Настроения американской общественности начали существенно меняться.

“На одной из последних «биполярных» встреч в верхах, – пишет автор, – отвечая в интервью американцам на какой-то вопрос, я сказал: «Мы сделаем для вас самое плохое – лишим вас врага». Хотя сказано это было в шутку, но жизнь без врага, который бы оправдывал все и вся, делал все простым и доступным, оказалась дей-

ствительно непростой – и не только для американцев”.

Естественно, много внимания в книге уделяется науке.

После Второй мировой войны и появления ядерного оружия Сталин понял ключевое значение науки для мощи и международного влияния государства. И за этим последовало радикальное изменение в положении науки. Был резко поднят не только моральный престиж, но и материальное положение науки и ученых. Научная деятельность стала одной из самых высокооплачиваемых и престижных. Это относится, прежде всего, к тем отраслям, которые были ближе к обороне.

“Двух из великих советских ученых-физиков из этих сфер, – пишет Арбатов, – мне посчастливилось лично знать и регулярно, неформально общаться с ними на протяжении многих лет. Это лауреат Нобелевской премии академик Н.Н.Семенов и один из создателей нашего ядерного оружия академик Ю.Б.Харитон. Мой институтский друг, блестящий философ Юра Семенов был сыном первого и зятем второго”.

Весь “наш круг” замешан на этих дрожжах, только академик Арбатов вспоминает, как много они дали ему жизненной мудрости; я же, видимо в силу своего легкомыслия, – о курьезных ситуациях (которые, думается тоже с благодарностью будут восприняты будущим биографом).

Однажды в жаркий день Ю.Б.Харитон захотел выкупаться в Москва-реке. Охранник обязан был последовать за ним. А что делать с оружием? И Харитон взмолился, чтобы Георгий последовал его примеру. Пришлось мне дать ему свои плавки, но они оказались малы. “Что делать, – сказал он, – буду купаться на босу ж...” Чувство юмора никогда не изменяло ему, может быть поэтому и сохранил здравый рассудок при всех режимах.

В книге представлены различные этапы формирования Института США

и Канады, директором которого он был со дня основания в течение более 27 лет.

Он пишет об этом в прошлом времени. Но так ли это?

Сейчас он по возрасту почетный директор, но в его случае это мало что изменило. Те же контакты, те же проблемы за исключением разве что одной. Теперь он не озабочен вопросом, где достать кровельное железо для ремонта крыши.

Автор спешит разделить успех с друзьями.

“Большое участие, – пишет он, – в гололомных делах по организации института принял мой ближайший друг Валя Зорин. Буквально во всех, начиная с выбора помещения. Но что было куда как важней и трудней, он основал и умело наладил одно из важнейших и труднейших направлений исследований института – истинно научное, в отличие от прежнего огульного охуливания, изучение внутренней политики США. И он же привел в институт несколько очень толковых людей из журналистики”.

В числе друзей упомянут и Спартак Беглов, давший немало ценных советов, а, кроме того, предоставивший институту права на издание солидного труда по американской экономике, написанного его незадолго до того скончавшимся отцом.

Прочел об этом с особым чувством, так как перед его отцом Иваном Ивановичем Бегловым совесть моя была не чиста.

Дело в том, что первый, сокращенный вариант книги он предоставил журналу “Коммунист”, где я тогда работал. Он прошел редколлегия, но в последний момент бдительные коллеги разъяснили мне, что публикация в “Коммунисте” разоблачительного в отношении США материала поставит точку в его карьере корреспондента ТАСС в этой стране. И было решено вместо “Беглов” подписать “Белов” (как псевдоним).

Спартак был очень рассержен, сказал, что правдивая публикация подтвердила бы, что отец занимается разоблачением американского империализма, а не тем, чем многие “журналисты в штатском”.

Испытывая угрызения совести, я ходил в ТАСС и убедился, что из этой тематики не делается тайны. Запомнился стих из вышедшей на виду стенгазеты: “У стана самого врагов работает И.И.Беглов; и видит глаз Беглова зоркий, какую сеть плетут в Нью-Йорке”.

Автор вспоминает: “Готовя настоящий материал, он перечитал хранящуюся в архиве копию информационно-аналитической записки «О влиянии научно-технической революции на внешнеполитическую стратегию США» – конечно, секретную, тогда все было секретно”.

Направлена она была в ЦК КПСС в сентябре 1968 г. – менее чем через 9 месяцев после появления в Институте первого работника, первого стола и стула, первой пишущей машинки и т.д.

Речь там шла о внимании, которое придается научно-техническому прогрессу как орудию не только развития экономики, но и укрепления внешнеполитических позиций США. И о том, что если раньше наше отставание сокращалось, то теперь, по оценке американцев, оно увеличивается, причем одни американские политики хотели бы использовать это во вред СССР, а другие предпочли бы взаимовыгодное сотрудничество.

“Все эти моменты, – говорилось далее в записке, – начинают играть заметную роль в планировании американской политики. Мы и сейчас исходим из того, что главным в экономическом соревновании с США являются темпы промышленного роста. Американцы же считают, что ход этого соревнования будет определяться, прежде всего, темпами научно-технической революции.”

В докладе «Новые направления в советской экономике», подготовленном некоторое время назад для конгресса США, делался вывод: «Советская экономика добы-

ется сокращения своего технического отставания, но ее относительное отставание в общей производительности останется таким же, каким оно было в 1950 г. или даже еще увеличится».

Не удивительно, что Вашингтон настойчиво ищет пути использования этих своих позиций в глобальной внешней политике.

Выработка практических предложений и рекомендаций по затронутым выше вопросам, в силу самого их характера, требует значительной подготовительной работы.

Вскоре, после XXIV съезда КПСС было принято решение посвятить проблемам ускорения научно-технического прогресса один из ближайших пленумов ЦК КПСС. Для подготовки доклада Генерального секретаря и решений создали Комиссию во главе с А.П.Кириленко.

Работа была захватывающе интересна и продолжалась более года. Результатом стал большой (около 150 страниц) документ, намечавший не только меры по ускорению научно-технического прогресса, но и глубокую реформу экономики.

Наконец, работу сдали А.П.Кириленко и я доложил об ее окончании Л.И.Брежневу. Но она исчезла, как в «черную дыру», несмотря на наши неоднократные напоминания, которые, как я заметил, все больше действовали начальству на нервы».

Так работу и «замотали».

С удивлением Арбатов услышал о ней уже в годы «перестройки» от Горбачева, что вот, мол, был полезный труд и воспользуйся мы им тогда, страна была бы сегодня совсем в другой ситуации. Потом до него дошел слух, что доклад все это время лежал в сейфе Брежнева и, когда специальная комиссия после его смерти сейф открыла, она передала доклад Горбачеву...

Дело не ограничивалось повседневной работой по линии ИСКАН или консультантской группы Отдела ЦК КПСС.

«Наверное, было бы бестактным говорить конкретно, что именно я советовал в беседах, шифротелеграммах из-за рубежа, когда бывал в поездках.

А почему? Взять к примеру командировку на Кубу. Его постоянные беседы с Фиделом Кастро и в Гаване, и в его автомашине с походной библиотекой улучшили понимание кубинским руководством текущего момента.

Вот как описывал это А.Бовин в своей юморной манере: нырнул Арбатов с Фиделем в море, на дне отстегнул акваланг и продолжает «качать права».

А если серьезно: наш общий воспитатель ректор МГИМО «папа Юра» Францев говорил, что, прочитав все донесения с Кубы, испытал гордость за своего ученика.

Автор назвал своей книгу «Автобиография на фоне исторических событий». Но мог бы добавить «и на фоне исторических личностей». Об одной и той же фигуре можно сказать «мал золотник да дорог», а можно «мал клоп да вонюч». Тем более ценно обоняние человека «ближнего круга».

Сегодня только ленивый не пишет воспоминаний. Нередко не для зарисовки того или иного деятеля, а чтобы показать себя в его интерьере, как раньше – в числе участников субботника, несших бревно с Лениным.

Для примера – очень содержательная книга воспоминаний об Александре Бовине, в конце которой узнаешь, что одним из побудительных мотивов его возвращения в «Известия» был – протянуть товарищескую руку помощи «Васе».

Думается, что при всех заслугах перед отечественной журналистикой и самых дружеских отношениях с Бовиным В.Захарько мог бы не афишировать их. Пусть Бовин останется в нашей памяти как смелый и принципиальный политик, не руководствовавшийся личными мотивами.

В отличие от этого книга Арбатова – объективная летопись, содержащая жизнеописания пяти лидеров страны, с которыми он работал (может быть точнее сказать, «на которых ра-

ботал”) с предельно близкого расстояния, почти под микроскопом, притом в динамике – на разных этапах.

Наиболее подробно представлен Брежнев как до болезни, так и после; как в тоге скромности и самокритичности, так и в парадном мундире Героя. Он, конечно, не был теоретиком и даже просто начитанным марксистом. Ценно то, что он и не претендовал на большее, о чем свидетельствует приведенный в книге эпизод.

Когда в проект одной из его речей вписали пару цитат из Карла Маркса, он сказал “речеписцам”: “Ну, зачем это, кто поверит, что Леня Брежнев читал Маркса”.

Он был ровным и добрым, с доброжелательным отношением к людям. И обладал большим житейским опытом, а также, во всяком случае, во многих вопросах, здравым смыслом. Все это, включая некоторые привлекательные человеческие черты, причудливо сочеталось с аппаратной ловкостью, хитростью, подчас даже коварством – иначе бы он не достиг таких вершин власти и не смог бы на них удержаться даже на склоне лет, будучи больным и немощным.

Могу подтвердить собственными наблюдениями соседа по дачному поселку. Когда он выезжал, охранник останавливал мою машину и деликатно просил подождать несколько минут. Когда он скончался, на его даче, по словам сестры-хозяйки, была допотопная мебель трофейного образца.

Что касается Хрущева, то автор, прежде всего, отмечает непоследовательность, противоречивость проводившегося им курса.

“Своими бросаниями то в одну, то в другую сторону он ухитрился антагонизировать почти всех, все общество. Среди широких масс населения популярность его, впрочем, никогда не была широкой, хотя именно для них Хрущев сделал больше, чем все последующие лидеры; достаточно

сказать о выдаче паспортов крестьянам, радикальном повышении пенсий и беспрецедентном по размаху жилищном строительстве – в домах более чем скромных, но не сравнимых с бараками и коммуналками”.

“В чем состоял политический смысл заговора против Н.С.Хрущева? – задается вопросом автор. – Ведь падение популярности этого лидера не могло само по себе служить мотивом, оно лишь облегчало его смещение, нужны были еще мотивы для организованных действий опирающейся на силу группы достаточно видных деятелей, их сговор, а точнее – заговор.

Думаю, разные его участники преследовали разные цели. Характерный штрих: на следующий день после октябрьского Пленума ЦК Ю.В.Андропов собрал ответственных работников Отдела ЦК КПСС, который тогда возглавлял, и, заключая свою информацию, сказал: «Хрущева сняли не за то, что он выступил против «культа личности» Сталина и проводил политику мирного сосуществования, а, напротив, за то, что недостаточно последовательно боролся с последствиями этого культа и недостаточно последовательно проводил эту политику».

Такова была точка зрения Андропова, официально высказанная, но не обоснованная.

О нем в книге вообще сказано явно недостаточно, хотя подчеркивается, что работа с ним была большой школой для автора, он, по сути дела, уходит от разговора. И это досадно.

Известно, что между ними обнаружились серьезные расхождения.

Но Андропов даже из ЦКБ, со смертного одра, писал ему стихи о социализме.

Что же получается?

Арбатов не считал возможным. Бовин хотел написать о нем книгу, но товарищи из КГБ показали ему некоторые материалы, и он отказался от своего намерения. И это ближайшие к нему люди, которые сменяли друг друга на

посту руководителя группы консультантов возглавляемого им отдела. Жаль, что не от них мы получим характеристику этого столь неординарного человека, которого Арбатов называет самым культурным и интеллигентным из руководителей страны.

Горбачева автор считает неоднозначной, противоречивой личностью, он нес на себе немало родимых пятен породившей его системы. Он слишком долго и подчас путано говорил, нередко занимал по самым острым вопросам двусмысленную позицию, не решался сделать выбор там, где это требовалось, доверял людям, не заслуживающим доверия. Начало его правления было блестящим, а конец разочаровывающим. Тогда-то и появились другие лидеры, прежде всего Ельцин, которые оседлали демократическое общественное движение и бросили вызов власти Горбачева.

Что касается гайдаровских реформ в начале 90-х годов, отмечает Арбатов, то их результаты можно было предвидеть и в какой-то мере предотвратить.

Но надо помнить и о полнейшей экономической неграмотности Ельцина, руководившего страной в то время, и о качестве его интеллектуального окружения. Он отобрал группу сравнительно молодых, амбициозных и авантюристичных “журналистов от экономики” во главе с Гайдаром и младших научных сотрудников, не отягощенных

академическими достижениями, в чьи руки и передал судьбу страны.

О каждом из этих деятелей написано немало. В силу разброса мнений в отечественной и зарубежной литературе свидетельства такого автора, как Георгий Арбатов, особенно важны.

И не только его, но и целой плеяды выращенных им учеников.

Некоторые из них, как например, А.Н.Борисов подчёркивает, что сохраняет глубокую благодарность Г.А.Арбатову за то, что он “выписал” его в Москву и дал путевку в науку: сейчас он зав. кафедрой ЮНЕСКО МГИМО и Первый заместитель Председателя Ассоциации содействия ООН.

Другие, обретая маститость, забыли, кто был их крестным отцом. Стоит ли на них сердиться? Ведь говорят же: плох ученик, не превзошедший своего учителя.

Может быть, разумнее разрабатывать проблему неблагодарности как двигателе прогресса?

Можно полемизировать с автором по некоторым вопросам внутренне- и внешнеполитической стратегии, в частности таким, как “евразийство”. В характеристике “биполярных” встреч в верхах ощущается известная ностальгия. Очень уместны обращения к историческим сюжетам. Но их мало с учетом того, что в стране и в мире тьма сторонников отрицать демократические традиции в России подчас путем перекройки истории. Ведь Россия – страна с самым непредсказуемым прошлым.

Так или иначе, но все претензии к автору сводятся к пожеланию продолжать мемуары, отражая, прежде всего, оставшиеся за кадром события, когда он опирается на факты известные только ему.

Ведь мемуаристика в принципе – вещь субъективная.

Но и то, что опубликовано, заслуживает благодарности хотя бы потому, что представляет существенные черты к научному и политическому портрету нашего выдающегося современника.